

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.О. БУЕВА

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ МОДЕЛИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наступивший XXI в. унаследовал от ушедшего в историю XX ст. проблему этнополитических трансформаций в новых независимых государствах — наследниках СССР. Ее нерешенность, дающая, в той или иной мере, несмотря на два десятилетия существования последних, и поныне знать о себе в подавляющем большинстве стран СНГ и Балтии, побуждает активизировать научное изучение данного вопроса.

Этнополитическая трансформация на постсоветском пространстве — сложный динамический процесс, и несомненно эффективное регулирование данного социально-политического процесса требует непрерывного исследования причинно-факторной природы и последствий трансформации в условиях развития постсоветского общества. Целью нашего исследования является комплексный анализ хода и результатов постсоветской этнополитической трансформации в Беларуси и Украине.

По сравнению с советским периодом, когда проблема этнополитических процессов в стране десятилетиями оставалась, по политическим резонам, «неприоритетной» и слабоизученной, в настоящее время она привлекает куда большее внимание исследователей и общественности. В определенной степени это создает предпосылки для более глубокого анализа состояния и перспектив межэтнических отношений, а также комплексного изучения проблем этнополитической трансформации через призму социальных, экономических, психологических, культурных преобразований.

Принципиально важно отметить, что сфера этнонациональных отношений, с одной стороны, достаточно консервативна, а с другой — весьма восприимчива к любым изменениям социально-политической и духовно-нравственной жизни общества, чутко реагируя на те или иные изменения трансформационного характера. Этнополитическое «поведение» нельзя адекватно зарегистрировать, предвидеть и планировать на основе одномерного исследования фактов, элементов или «переменных», так как именно их взаимодействие и взаимозависимость порождают эффект кумулятивности.

Каждое из новых независимых государств на постсоветском пространстве представляет собой определенную модель этнополитической транс-

Анастасия Олеговна БУЕВА, аспирантка кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета.

формации. Ведь, сочетая то общее и особенное, которое формирует специфику различных сегментов данного пространства и качественные характеристики переживаемой эпохи, они вели и продолжают вести поиски своих путей развития в современном, динамично плюрализирующемся мире.

Перед новыми независимыми государствами, говоря словами У. Альтерматта, «...едва они национализировались изнутри и вовне, снова встает вопрос идентичности и принадлежности» [1, 69]. И, как уже успела показать история суверенного существования наследовавших СССР стран, наличие в постсоветском пространстве целого ряда интеграционных объединений пока не сумело положить конец обострению внутренних и внешних этнонациональных конфликтов. Различные постсоветские общества продолжают испытывать сильное давление этнократически ориентированных партий, движений, организаций.

Одним из основных теоретико-методологических и методических вопросов изучения этнополитической трансформации является поиск количественных индикаторов данного процесса. Весьма перспективный, но пока слабо используемый в этом плане путь — изучение этнического состава внешней миграции.

Дискриминационные установки в отношении национальных меньшинств той или иной страны можно охарактеризовать с помощью коэффициента, представляющего собой произведение числа эмигрантов нетитульной национальности на их удельный вес в численности всех эмигрантов. Применение данного коэффициента основывается на очевидной зависимости: более благоприятный этнополитический климат в стране сопровождается уменьшением численности эмигрантов, представляющих нетитульные этнические группы, и их удельного веса в общей численности эмигрантов. Для Беларуси получим следующий тренд (рис. 1).

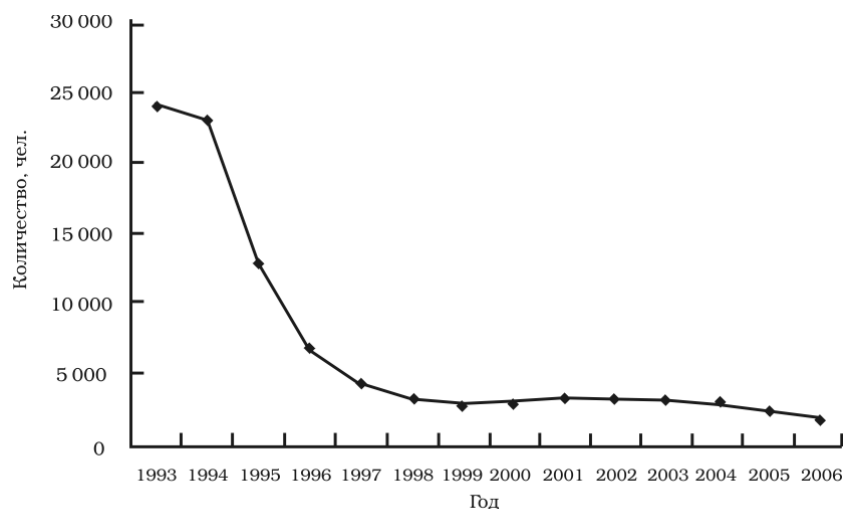

Рис. 1. Нетитульная эмиграция населения из Беларуси

Как видно из приведенного графика, с 1993 по 1997 г. эмиграция из Беларуси представителей нетитульных национальностей последовательно снижалась. Особенно стремительно она сокращалась в 1994—1996 гг., в которые начиналось президентство А. Лукашенко и наметилась стабилизация межэтнических отношений. С 1998 по 2004 г. выбытие нетитульных национальностей стабилизировалось на невысоком уровне, а с 2005 г. — вновь снижается. Это, со всей очевидностью, должно трактоваться как их положительная реакция на изменения в социальной политике государства. Аналогичный анализ проведем по данным Украины (рис. 2).

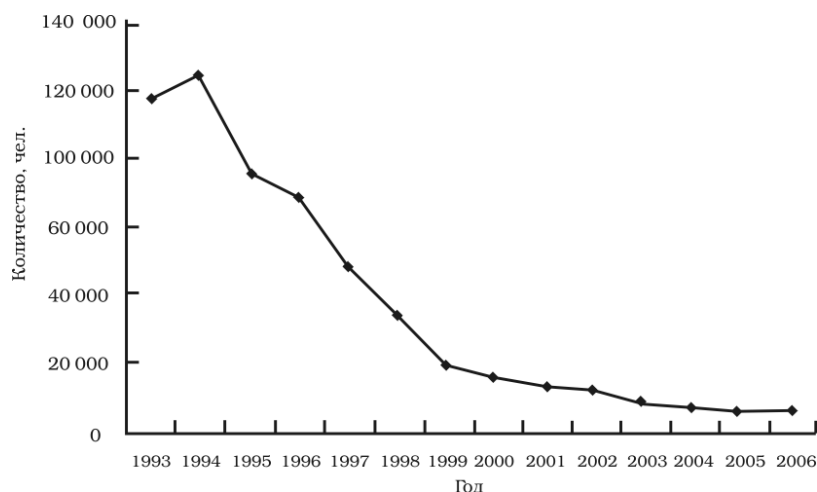

Рис. 2. Нетитульная эмиграция населения из Украины

Как видим, в Украине процесс выбытия нетитульных национальностей отличается от белорусской модели. Во-первых, в 1994 г. наблюдается заметный всплеск эмиграции, а в Беларуси — последовательное снижение. Во-вторых, в Украине не зафиксировано столь резкого сокращения этого показателя, как в Беларуси. Выбытие нетитульных национальностей в больших объемах продолжается вплоть до 1999 г. С 2000 г. темпы выбытия снижаются, но не стабилизируются так, как это имело место в Беларуси.

Как известно, в Республике Беларусь нет той жесткой селективной иммиграционной политики, которая имеет место в большинстве развитых западных стран и несет в себе ограничительные меры в отношении потенциальных мигрантов. Но, как показывают результаты изучения статистических материалов, в Республику Беларусь прибывают именно «качественные» мигранты (см. табл. 1 и 2*).

Таблица 1. Иммигранты Республики Беларусь по возрасту

Иммигранты	1998—2000 гг.		2001—2003 гг.		2004—2006 гг.		1998—2006 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	89 955	100,0	60 440	100,0	41 797	100,0	192 192	100,0
В том числе в возрасте:								
моложе трудоспособного	19 781	22,0	10 678	17,7	5 992	14,3	36 451	19,0
трудоспособном	58 870	65,4	38 875	64,3	27 274	65,3	125 019	65,0
старше трудоспособного	11 304	12,6	10 887	18,0	8 531	20,4	30 722	16,0

Примечание: собственная разработка по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за соответствующие годы.

Из табл. 1 явствует очень важный вывод: среди иммигрантов преобладают лица в трудоспособном возрасте (65 %). Данная тенденция положительно влияет на трудовые ресурсы Республики Беларусь, поскольку в структуре постоянного населения удельный вес этой возрастной группы колеблется в пределах 56,5—62,4 % [2, 59].

Второй важнейший показатель качества мигрантов, приобретаемых той или иной страной, — уровень их образования (табл. 2).

*Национальный статистический комитет Республики Беларусь разрабатывает данные группировки только в целом по ближнему и дальнему зарубежью. Однако это не мешает нам экстраполировать выводы на мигрантов из стран СНГ и Балтии, поскольку их численность в 14,5 раза больше численности иммигрантов из стран дальнего зарубежья.

Таблица 2. Иммигранты Республики Беларусь по уровню образования

Иммигранты	1998—2000 гг.		2001—2003 гг.		2004—2006 гг.		1998—2006 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	70 173	100,0	49 762	100,0	20 679	100,0	140 614	100,0
В том числе:								
высшее	12 160	17,3	9 580	19,3	7 890	22,0	33 161	23,6
незаконченное высшее	2 007	2,9	1 441	2,9	1 303	3,6	4 751	3,4
среднее специальное	19 177	27,3	13 364	26,9	9 600	26,8	42 141	30,0
среднее общее	27 274	38,9	18 597	37,4	12 506	34,9	58 377	41,5
базовое общее	6 913	9,9	4 836	9,7	3 233	9,0	14 982	10,7
начальное общее	2 631	3,7	1 944	3,9	1 272	3,6	5 847	4,2
не указавшие	11	0,0	0	0,0	1	0,0	12	0,0

Примечание: собственная разработка по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за соответствующие годы.

Из табл. 2 следует, что среди иммигрантов весьма высокую долю составляют лица с высшим образованием (17—23,6 %), что положительно влияет на потенциал трудовых ресурсов Республики Беларусь (аналогичный показатель среди постоянного населения — 14,5 %) [3, 104, 442—443].

Итак, для подавляющего большинства мигрантов образ Беларуси несомненно является притягательным. Рассмотренные в нашем исследовании показатели достаточно выразительно характеризуют *качественные* параметры жителей новых независимых государств, переселившихся в нашу страну. Высокий уровень образования и трудоспособный возраст иммигрантов способствуют их успешному обустройству и социальной адаптации в Республике Беларусь. Кроме того, они *способны* внести весомый вклад в экономическую, социальную, культурную модернизацию страны в XXI в.

Известный российский исследователь А.Г. Здравомыслов считает, что этнолингвистическая тематика «...имеет огромное мобилизующее значение...» и составляет одну из основ этнополитических конфликтов, продолжая и на данном этапе истории играть доминирующую роль [4, 196]. В своих этносоциологических очерках «Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция» Ж.Т. Тощенко пишет, что «постыдную роль в торге вокруг языка сыграла национальная интеллигенция» [5, 135]. Украина, Казахстан, страны Балтии и другие стремились в кратчайшие сроки искоренить либо оттеснить на «обочину» политической, социальной, культурной жизни русский язык и ускоренно внедрить язык коренной национальности во все сферы жизнедеятельности государства.

Язык как этнодифференцирующий признак независимости Украины определенно становится разменной монетой в борьбе ее политических элит. Ныне действующий президент Украины Виктор Янукович неоднократно обещал в случае своей победы сделать русский язык вторым государственным. Но на современном этапе руководство страны лишней раз предпочитает не ссориться с оппозицией. Закон «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» вступил для Украины в силу с 01.01. 2006 г. Но до сих пор не реализовано ни одно из положений Хартии. В настоящее время в Украине продолжается этническая политика одноязычия и монокультурности, в соответствии с которой одно государство должно иметь только один язык. Пусть это даже будет и вопреки настроениям самого народа Украины.

Перепись 2001 г. раскрывает следующую картину по отношению к языку: украинский язык назвали родным 67,5 % населения Украины, 29,6 % жителей Украины назвали родным языком русский, что меньше всего лишь на 3,2 процентных пункта по сравнению с 1989 г. [6]. В 2007 г. маркетинговая компания «Ресэч энд Бренддинг Групп» проводила исследование в 24-х областях Украины и АР Крым (опросили 2 200 человек). Из опрошенных — 54 % выступают за то, чтобы государственными языками были ук-

раинский и русский [7]. По результатам социологического исследования Всеукраинской социологической службы (2007 г.), 45 % граждан Украины высказались за необходимость предоставить русскому языку большую свободу: 23 % — за предоставление русскому языку статуса второго государственно-го, 22 % — за предоставление русскому статусу официального языка в отдельных регионах страны [8, 28]. Киевский институт проблем управления им. Горшенина предоставил следующие результаты: «49,5 % украинцев разговаривают дома преимущественно на украинском языке, и 46,8 % — на русском» [8, 28]. Статистические данные Киевского центра политических исследований и конфликтологии за 2005—2009 гг. свидетельствуют о том, что при выборе языка обучения детей в школе или других учебных заведениях испытывают дискриминацию 33 % респондентов, дискриминацию в отношениях с чиновниками — 32 %, в прессе, на телевидении — 29, в общественных местах — 29, на работе и во время трудоустройства — 17, в суде — 7, в других сферах коммуникации — 14 % [9]. Итак, по итогам социологических исследований последних лет раскрывается следующая картина — языковая политика современной Украины игнорирует интересы более половины граждан своего государства, ибо ограничивает их потребности в изучении и использовании русского языка. Отношение к русскому языку приобрело роль маркера при идентификации «свой — чужой». В условиях реального двуязычия украинского общества политика тотальной украинизации приводит к межэтнической напряженности.

Совершенно иной путь этнополитического развития избрала близкородственная соседка Украины — Беларусь. Языковая политика на ее территории имеет уже солидную историю, этапным событием которой стал референдум 15 мая 1995 г.

Известно, что в свое время «безраздельное господство в Белоруссии русского языка привело к тому, что значительной частью населения он воспринимался уже как родной: «...в середине 1992 г.... таковым его назвали 32,3 % респондентов, а еще 9,9 % — наряду с белорусским». В сумме это составляет более 2/5 — 42,2 % [10, 37]. Белорусско-российский ученый О.Г. Буховец, раскрывая, в частности, историческую специфику образования белорусской нации, делает вывод, что население, считающее родным языком русский/белорусский, имеет в массе своей белорусское самосознание.

Согласно переписям 1999 и 2009 гг., белорусский язык родным назвали соответственно 73,7 и 53,2 %, русский язык — 24,1 и 41,6 % респондентов [11]. Но если белорусы по преимуществу говорят по-русски, то это отнюдь не означает, что они не являются нацией. Ведь, с одной стороны, в мире существует множество двуязычных этносов и наций — швейцарцы, ирландцы, филиппинцы, канадцы. С другой стороны, есть немало стран, народы которых говорят на одном и том же языке.

Уже с 30-х гг. XX в. начался пересмотр зарубежными учеными роли языка как главного нациеобразующего признака. И на современном этапе он, как *маркер этнической самобытности*, отнюдь уже не представляется ведущим признаком этноса. В настоящее время, на наш взгляд, куда более весома роль национального самосознания, самоидентификации народа-нации. В свете этого становится понятным, что предпочитающие русский язык на деле обладают устойчивой белорусской самоидентификацией.

Деление белорусского общества на «мы» — белорусы и «они» — небелорусы абсолютно не характерно для белорусской модели нации при всем том, что в стране наличествует культурное и этническое многообразие. Если, согласно переписи 1989 г., белорусами считали себя 77,9 % всего населения, то к 2009 г. этот процент увеличился почти на 6 процентных пунктов — 83,7 %. Русскими по национальности считали себя в 1989 г. 13,2 % населения Беларуси, а к 2009 г. эта цифра снизилась до 8,3, украинцами — 4,1 %, а к 2009 г. — 3,1, поляками — 2,9 %, а к 2009 г. — 1,7 [11].

С одной стороны, как отмечают специалисты, уменьшение абсолютной численности русских, поляков, украинцев и т.д., как и населения страны в целом, связано, прежде всего, с его естественной убылью. Но с другой стороны, относительное снижение доли небелорусов объясняется их переидентификацией в белорусов, в результате чего их удельный вес от одной постсоветской переписи к другой — последовательно возрастает. Самое важное, что это не противоречит главному — граждане Республики Беларусь разного этнического происхождения ощущают себя единым народом — белорусами.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, при сравнительном анализе этнополитических трансформаций целесообразно использовать коэффициент интенсивности эмиграции, представляющий собой произведение числа эмигрантов нетитульной национальности на их удельный вес в численности всех эмигрантов. Во-вторых, для большинства мигрантов постсоветского пространства образ Беларуси является весьма притягательным. Об этом свидетельствует высокий уровень образования и трудоспособный возраст иммигрантов. В-третьих, языковая политика Украины не учитывает интересы половины своих граждан (54 % опрошенных высказались за придание русскому языку статуса второго государственного), что приводит к межэтнической напряженности. В-четвертых, национальное самосознание, но не язык должно играть ключевую роль в процессе образования и сохранения нации-государства. В-пятых, ход и направление этнополитической трансформации Беларуси весьма существенно отличается от украинской модели. В настоящее время с уверенностью можно утверждать, что Республика Беларусь уже в основном сформировалась как *гражданско-политическая* нация-государство. В то время как современное украинское государство, напротив, продолжает держать курс на создание *этнокультурной* нации-государства...

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Альтерматт, У.* Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. — М.: Издат. центр РГГУ, 2000.
2. Население Республики Беларусь: стат. сб. — Минск: ГВЦ Минстата, 2007.
3. Образовательный уровень населения Республики Беларусь: Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: стат. сб. — Минск: ГВЦ Минстата, 2001.
4. *Здравомыслов, А.Г.* Социология конфликта / А.Г. Здравомыслов. — М.: Аспект-пресс, 1996.
5. *Тощенко, Ж.Т.* Постсоветское пространство: Суверенизация и интеграция: Этносоциологические очерки / Ж.Т. Тощенко. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997.
6. О численности и составе населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс] / Гос. служба статистики Украины. — Киев, 2012. — Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language/>. — Дата доступа: 16.01.2012.
7. *Копатько, Е.* Новая власть обречена на реформы / Е. Копатько // Ресэч энд Брендиг Групп [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://www.rb.com.ua/rus/compranu/publications/6290/>. — Дата доступа: 10.01.2012.
8. Российско-украинские отношения // Дайджест российской и украинской прессы [Электронный ресурс]. — 19.07.—26.07. 2010. — Режим доступа: <http://cskr.info/doc/260710.pdf>. — Дата доступа: 18.01.2012.
9. *Степанов, Е.Н.* Русский язык в контексте социально-политических процессов современной Украины / Е.Н. Степанов // Фонд «Русский мир». Информ. портал [Электронный ресурс]. — 04.05. 2011. — Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0019.html>. — Дата доступа: 19.01.2012.
10. *Buchowjez, O.* Die belorussische Idee in Vergangenheit und Gegenwart: Vom «Aschenputtel» zur «Prinzessin»? / O. Buchowjez // Nationalismusformen und Entwicklungsdynamiken nationalistischer Konflikte in den jungen Staaten der GUS. Teil 1: Kaukasus, Belarus, Ukraine. — Berlin, 1993.
11. Национальный состав населения Республики Беларусь // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php>. — Дата доступа: 17.01.2012.

Статья поступила
в редакцию 19.06.2012 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.